

УДК : 165-053.6+81-25

С. П. Онуприенко

д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник

Института философии НАН Беларуси

e-mail: centr.evrissl@yandex.by

«КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ» И. КАНТА И СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Проанализированы философско-исторические особенности одного из фундаментальных учений И. Канта в контексте социально-экологических концепций современности. Обоснована теория Н. Н. Моисеева «экологический императив» и ее продуктивная роль в научном познании, основанном как на научных идеях И. Канта, так и на инновациях XXI столетия.

Введение

Среди множества концепций, отражающих динамику социоприродных отношений, следует обратить особое внимание на те из них, которые фиксируют основополагающие особенности диалектики развития цивилизационного процесса. На наш взгляд, большое значение имеет концепция экологического императива, по существу вобравшая всю совокупность научно-технических, морально-этических, интеллектуально-духовных достижений. Его природа, целевые установки закономерно созвучны эволюционно-развивающим этапам человеческой акмеологичности, но требуют четкой теоретической понятийно-терминологической дефиниции и конструктивных методов практико-реализующего подхода. Вышеназванные параметры впервые воплощают авторский замысел и соответствующую попытку системного анализа феномена, характеризующего, во-первых, одноименную концепцию в контексте тенденций социальных трансформаций современного белорусского общества и, во-вторых, познавательно-мировоззренческие установки становления духовно-ценностных ориентиров учащейся молодежи страны.

Данное понятие основывается на концепциях прошлых эпох, включая и специфический феномен, именуемый в научно-исторической литературе «категорическим императивом».

В современном обществе особое место занимает природно-экологическая тематика, поскольку практически каждый житель страны хотел бы знать о состоянии окружающей среды в своей стране, городе. Важно учитывать природно-климатические колебания по месту проживания, создавать благоприятную обстановку для человека как на рабочем месте, так и в иных локациях жизнедеятельности. От этого зависит наше здоровье, финансовое и материальное положение, настроение и психологический климат в семье, в коллективе сотрудников, в общественных местах. Все, что так или иначе связано с экологией, вызывает у нас неподдельный интерес и озабоченность. Чтобы оградить себя от стрессовых ситуаций, защитить себя и близких от всевозможных потрясений, надо уметь ориентироваться в природной и социальной средах, стараться активно преодолевать физические и психоинтеллектуальные трудности посредством упражнений, тренировок, выработки собственной индивидуальной программы психолого-физиологической устойчивости. Чрезвычайно важно уметь разбираться в содержании направленной экологической деятельности, ее целевых установках, реальных ожидаемых результатах, возможности собственного участия в стабилизации экообстановки. Можно

привести множество всевозможных теорий, концепций, так или иначе способствующих защите природной среды и самого человека от его же непродуманных действий.

На наш взгляд, имеет смысл уделить внимание категории императива как всеобщего закона, высшего требования, предписывающего характер долженствования, обязательств и соответствующего поведения в условиях социальной среды. Данная категория в философии и иных науках нашла воплощение со времен ее определения в работе «Основы метафизики нравственности» (1785) основоположника немецкой классической философии и вопросов естествознания И. Канта (1724–1804). По его мнению, императив следует понимать как форму повеления, выражающуюся в двух видах – гипотетическом и категорическом. Первый означает своеобразное предписание стратегического характера, т. е. достижения собственного счастья путем благоразумия как в делах, так и в помыслах. В свою очередь, категорический императив непосредственно предписывает поведение для достижения вышеотмеченной цели, тем самым характеризуя формы и принципы самого поступка. В отличие от своих современников немецкий ученый делает акцент на убеждении сограждан, т. е. этот вид императива является доминирующим в судьбе человека и строится он на нравственных положениях.

Рассматривая современную концепцию экологического императива, разработанную и введенную в научный лексикон российским академиком Н. Н. Моисеевым, целесообразно осуществить небольшой исторический экскурс, чтобы выявить исходные основания данного феномена. Обратим внимание на кантовский императив, из содержания которого фактически и была сконструирована концепция экологического императива. Сравнение первого и второго вовсе не случайно: у них много общего, да и предыстория экологической концепции началась не в XX в., как принято считать, а гораздо раньше. Уже во второй половине XVIII в. ученые, рассматривая этико-нравственные вопросы становления первопричин зарождающегося нового капиталистического общества, пришли к закономерным выводам о необходимости учета, казалось бы, вечных, но постоянно используемых в промышленной, агрохозяйственной и иных сферах производства природных ресурсах. В те времена добывали главным образом уголь (теплоснабжение), железную руду (разнообразные бытовые, строительные предметы, приспособления, а также первые механические машины в ряде отраслей металлопроизводства в мануфактурах, мастерских и т. д.), древесину (строительство, мебель, декоративно-производственная сфера). Все отмеченные растраты заставляли ученых, специалистов вести речь не только о безудержном потреблении ресурсов, но и о разумном их потреблении с учетом интересов конкретных стран и регионов. На повестке дня все отчетливее вырисовывались проблемы морально-этического характера по отношению к земным, водным, воздушным ресурсам, но не последнее место занимали в научных трудах, лекциях, письмах современников нравственные нормативы поведения самих людей, принципы их хозяйственной, семейно-бытовой и иных областей жизни и деятельности. Одним из таких новаторов познания характера новых социальных отношений и явился И. Кант. И дело не только в том, что И. Кант – одна из ключевых фигур мировой философии, и, как выразился российский социальный исследователь Я. Э. Голосовкер, «откуда и как бы ни шел мыслитель по философской дороге, он должен пройти через мост, название которому – Кант» [1, с. 35]. Освоение опыта кантовской мысли, причем не только буквы его учения, но прежде всего его духа, исключительно актуально для нас именно в современной социально-динамичной ситуации переосмысления исходных установок и основ философского сознания, поиска новых его путей и перспектив. Необходимо констатировать следующее: И. Кант в первую очередь – решительный враг

всякого догматизма в теоретическом мышлении, доводящий критическую рефлексию до исходных предпосылок, выявляющий коренные проблемы взаимоотношения мысли и бытия, возможности и принципиальные трудности рационально-когнитивного исследования «предельных оснований» отношения человека к окружающему миру. В этом контексте весьма уместно обратить внимание на концептуальные положения мыслителя, имеющие непосредственное отношение к теме данной работы.

И. Кант одним из первых ученых своего времени осознал необходимость новаций зарождающегося капитализма с точки зрения не только того, что и для чего люди производят, но и того, кто и каким образом создает блага цивилизации.

По мнению немецкого ученого, результаты производственной деятельности могут оказаться малоэффективными без способности человеческого ума к моральному действию, т. е. трезвому осмыслению всего того, что люди создают в соответствии с универсальными, всеобщими и категорически необходимыми нормами позитивного нравственного поведения. И. Кант придерживался следующей точки зрения: жизнь разумной личности невозможна без того, чтобы не следовать некоторым самостоятельно установленным правилам. Однако он соглашается, что любые поступки человека обусловлены рядом правил, или императивов, устанавливаемых общественной системой на разных ступенях и уровнях социально детерминированной реальности государственного устройства. Естественно, далеко не всегда эти правила, предписываемые личности в полной мере, отвечают ее насущным интересам, потребностям, духовным критериям. На взгляд философа, подчинение, точнее повиновение, механизму государственного устройства должно сочетаться с духом свободы, т. е. осмыслением каждым гражданином реальности и практической действенности тех прав, которые по сути и составляют представление о свободе личности как таковой. Отсюда послушание, согласие, принятие внешних нормативов поведения, предписываемых общественной системой, по И. Канту, есть процесс согласования, согласия с самим собой, со своими принципами и целевыми жизненными установками. Неверно полагать, что ученый не исключал силового давления на сознание личности, что представляется достаточно обыденной практикой разрешения возникающих проблем в политической ситуации взаимодействия человека и государства. И. Кант несколько идеализировал этот процесс, подчеркивая содержательные характеристики свободы, причем не как узколичностного феномена отдельного индивида, а, скорее, как общенационального, общечеловеческого явления, целью которого и является предупреждение и своевременная ликвидация очагов социальной напряженности, недоверия, конфронтации противоборствующих сторон. На его взгляд, оптимальный вариант разрешения такого конфликтного состояния заключается исключительно в одном стратегически важном положении: действия любых внешних или внутренних факторов должны быть обусловлены положениями так называемого морального закона, на основе которого функционирует свод обязательств в виде категорического императива. И. Кант отвергает какие-либо формы произвольного, частного толкования этих обязательств, или, в современном понимании, нормативов действий и поступков или норм поведения отдельного человека, коллективов, сообщества граждан и т. д. Они формируются с раннего детства, в том числе подсознательно, фактически естественным образом, без физического, психологического давления, но предписывают личности характер допустимых поступков на протяжении всей ее жизни.

Следовательно, категорический императив представляется в виде указания поведения: «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [2, с. 196]. Вместе с тем

у И. Канта нет четких пояснений относительно того, какие именно максимы должны выступать в роли принципов всеобщего законодательства. Есть и иного рода неясности в обосновании чистоты, априорности, отсутствия элементов эмпирического знания в толковании открытого им морального закона. Однако, несмотря на отмеченные казусы, ясно одно: категорический императив определяет только форму морального поступка, ничего не сообщая о его содержании, что подсознательно указывает на отсутствие каких-либо оснований для возможности безнравственных действий со стороны субъекта. Отсюда понятна позиция И. Канта: нравственно можно поступать лишь тогда, когда поступки соответствуют моральному закону, основанному на долге перед человеком и всем человечеством.

По сути, на основе рассмотрения содержательных характеристик категорического императива, составляющих стержневое звено морального закона, И. Кант пересматривает воззрения своих предшественников на природу человека. Для него она не есть изначально данная и в своей основе неизменная сущность. «Здесь, – отмечает мыслитель, – под природой человека подразумевается только субъективное основание применения его свободы вообще, под властью объективных моральных законов, которые предшествуют всякому действию» [3, с. 22]. Главная мысль состоит в том, что свобода, по И. Канту, основана на функциях практического разума, с помощью которого человек формирует свои психоинтеллектуальные установки. На наш взгляд, суть данного положения весьма однозначна: нравственный облик личности формируется и совершенствуется не некими трансцендентальными силами, он определяется психофизиоинтеллектуальным укладом ее самой. И. Кант отчетливо представляет тот физический, интеллектуальный, духовный потенциал личности, лежащий, во-первых, в основе ее свободного развития и, во-вторых, определяемый не некими сверхъестественными силами, а объективными моральными законами, проявляющимися в действии механизма категорического императива. И, наконец, мыслитель, веруя в Бога, подчеркивает неиссякаемый потенциал творческих возможностей человека, способного не слепо надеяться на Всевышнего, а благодаря собственным дарованиям совершенствовать свою сущность. Здесь отчетливо просматривается органическая связь природной среды, формирующей многообразную гамму человеческих качеств и антропологических (можно с уверенностью утверждать – эколого-социальных параметров) структурно-функциональных особенностей. Неслучайно в «Критике чистого разума» (1781) ученый сформулировал три знаменитых вопроса из области природы человека: что я могу знать? Что я должен знать? На что смею надеяться? Но он не стал ограничиваться ими, выдвинув четвертый: что такое человек? По его мнению, «в сущности... три первых вопроса относятся к последнему» [4, с. 332], т. е. антропологической сущности человека. И в завершении своего жизненного и творческого пути, в последнем научном труде «Антропология с прагматической точки зрения» (1798), изданном самим И. Кантом, нетрудно отыскать целый ряд естественных состояний обычного индивида (переживания, устремления, особенности поведения и др.), в которых автор пытается сделать итоговый шаг от идеализма к материализму, фактически снимая с него вуаль чрезмерного субъективизма, анализируя его с позиций реального биофизиологического и социального подходов. По его собственному признанию, «человек – самый главный предмет в мире» [5, с. 351], и отличает его от всего живого на планете наличие самосознания. В этом же заключено величайшее его преимущество над окружающей биосредой, оно возвышает его в практических делах и помыслах. Именно в этом немецкий мыслитель видит основное предназначение homo sapiens, тем самым выделяя системно-деятель-

ностные, аналитико-оценочные и прогностически-целевые функции человеческого мышления. Однако все вышеназванное опирается на строгие принципиальные положения категорического императива, придавая смысловую позитивную значимость, последовательность, конструктивизм деяниям любого уровня. И здесь же философ закономерно переходит к расшифровке функционально-творческих потенций, формируемых и реализуемых, на его взгляд, в каждодневном труде на благо людей и собственного развития, включая самооценку, самоконтроль, самодостаточность потребностных запросов, самоответственность за принимаемые решения и т. д. Не блуждая в абстрактно-фантастических грезах, И. Кант четко характеризует жизненную позицию и интеллектуально-профессиональное кредо гражданина, опираясь прежде всего не на похвалу, престиж, восторг, элементы пиара... Самоудовлетворение – тот самый целевой рубеж в достижении и переживании больших и малых значимостей для личности, без чего не может идти речь о самосознании. Однако для того, чтобы в полной мере ощутить величие своих успехов, вовсе не обязательно сотворить нечто инновационно-непредсказуемое, произвести шумный зрелищно-вызывающий фурор. По мысли И. Канта, большинство поставленных и решаемых нами задач по замыслам и содержанию весьма конкретны, лаконичны, а лучшая сфера их воплощения не заоблачные проекты. Человек может состояться как мыслящий, деятельный, отмечает философ, находя удовлетворение, разжигая азарт творческого поиска не где-нибудь, а именно в своей работе: «работа – лучший способ наслаждаться жизнью» [5, с. 475]. Результативность плюс удовлетворенность – стратегическое мерило человеческого самосознания, помноженные на волю, долг, – таковы нравственные критерии кантовского категорического императива.

Таким образом, категорический императив как естественно формируемое у каждого нормально развивающегося человека отношение к природе, самому себе воплощает в своем содержании требования безусловного и всеобщего долженствования с точки зрения общепринятых нравственных норм человеческого существования в естественной гармонии с окружающей средой и собственными правилами здорового образа жизни. Уважение конкретного человека и человечества в целом – главное предназначение каждого из нас для сохранения всего живого и конкретно *homo sapiens* как хранителя и преумножителя всего того, что создано людьми с начала зарождения разумной деятельности. Именно поэтому человеческий мир – наивысшее благо, и надо понимать его как великую цель развития, но не как средство достижения господства, личного обогащения, власти над природой и людьми. По этому поводу мыслитель подчеркивает: «Поступай так, чтобы человечество и в твоём лице, и в лице всякого другого всегда рассматривалось тобою как цель и никогда только как средство» [3, с. 79].

В высказываниях немецкого мыслителя отчетливо просматриваются религиозные положения из Евангелия, где главное требование к мирянам сформулировано следующим образом: «Не сотвори другому того, чего себе не желаешь». Вместе с тем было бы наивным полагать, что И. Кант механически копировал христианские постулаты. В отличие от них мыслитель видит в содержании категорического императива не некое безоговорочное соблюдение божественных заповедей, а чистый человеческий долг. Именно в чувстве долга сконцентрированы волевые, духовно-интеллектуальные потенции разумного человека, позволяющие не слепо, но активно развить его способности, поднять его над самим собой, сделать творцом истории и защитить от социальных и природных катастроф. В данном случае долг понимается не узко как средство достижения частных целевых установок. Он реально значимая, осознанная и конкретизированная задача собственного совершенствования, невзирая на политические, экономиче-

ские, семейно-бытовые и иного рода трудности в динамике жизненных процессов бытия. По мнению И. Канта, категорический императив не беспредметное наивное стремление к всеобщему развитию, счастью. Его целевые границы весьма четко очерчены: формирование принципа безусловного достоинства личности.

Таким образом, логическая цепочка «категорический императив – долг – достоинство личности» представляет собой систему самоуправления, характеризующую человеческое акмеразвитие, включая творческую результативность.

По мнению мыслителя, значимость личности состоит в исторических событиях, семье, воспитании лучших традиций. Анализируя его рассуждения, приходим к выводу о величайшей ответственности, совести, стремлении к познанию и почитанию законов природного и человеческого мира. Концепция категорического императива представляла собой одну из редких попыток научного осмысления нравственно-этического характера проблем того времени, где окружающая среда отмечалась как колыбель и лоно творчества разумных людей. Именно поэтому велика значимость этого свода нравственных норм поведения, особенно для молодого поколения, в качестве своеобразных нормативов прогрессивных поступков и глубоко гуманных методов анализа социальных отношений человека и природы.

Насколько важна для нас эта концепция? Может быть, она проникнута лишь наивными пожеланиями? По этому поводу следует заметить, что И. Кант не только анализировал нравственные категории и проблемы бытия. Мало известно об этом, но он активно участвовал в работе комиссии по землеустройству, следил за сохранностью животного мира и дикой природы, участвовал в озеленении, дренажных работах. В оставленных им документах имеют место деловые предложения, замечания, требования по поводу нарушений баланса растительной среды и застройки площадей, замечания по поводу влажности, продуктивности земельных угодий в разных регионах Пруссии.

Таким образом, с полным правом можно отнести данную работу к области эколого-социальной проблематики. Данный подход означал настоящий прорыв в феодально-патриархальных отношениях прусской монархии того времени. Достаточно вспомнить известное замечание вождя международного пролетариата В. И. Ульянова-Ленина о том, что прусский путь развития нельзя называть иначе как коснобюрократической системой, в то время как наиболее передовым он считал революционно-динамичный американский (фермерский). Эта мысль четко очерчена в его работах «Развитие капитализма в России» (1899), «Капитализм в сельском хозяйстве» (1899). Суть в том, что необходим скорейший переход от архаичных форм ведения хозяйства, свойственных многим восточноевропейским странам, включая Российскую империю XVIII–XIX вв. Реформы 60-х гг. XIX в. показали всю несостоятельность предпринимаемых попыток обновления хозяйственных принципов ведения хозяйства земледелия. Это отбрасывало хозяйственную деятельность к дореформенным временам крепостничества и застоя. В условиях феодального производства достаточно сложно реализовывать конструктивные проекты эколого-хозяйственного толка, что не могло не отразиться и в содержательных положениях концепции категорического императива.

Прошли столетия с тех пор, как понятие «императив» прочно обосновалось в философии и других науках. В последние десятилетия возникли и имеют тенденцию к дальнейшему «размножению» новые трактовки этого феномена, обосновывающие научную и социальную значимость задач, которые беспокоили умы еще в далеком XVIII в. Среди этого многообразия имеет смысл остановиться на некоторых из них.

Биологический императив характеризует основные тенденции выживания организма и антроповитальные процессы существования видов на нашей планете, включая человека. Здесь диктуют условия законы природы, но за последнее столетие все чаще вердикт нашему сосуществованию в условиях трансформаций социальных и природных сред выносит человеческий фактор, что, с одной стороны, вызывает восхищение творениями homo, а с другой стороны, порождает озабоченность и беспокойство.

Нравственный императив представлен в форме моральных социальных норм и требований к поведению личности в условиях многоликой гаммы социальных, национальных, политических, религиозных, профессиональных и иных направлений жизнедеятельности современников. В их основе лежат экономико-культурные традиционные или новационные нормы и обычаи, соответствующие пространственно-временным установкам социума, исходящим из критериев осмысления категорий добра и зла. «Нравственный императив – это личностное отношение к поступку, отличающее человека от биологических организмов и требующее существования социальных законов поведения» [6, с. 351].

Социальный императив – свод требований в области регуляции социальных отношений, целью чего является поддержка устойчивости структур социальной системы.

Культурный императив представляет сборник требований в виде предписаний, положений, способствующих эффективной передаче знаний, этноантропологических традиций, а также формированию жизненно важных для данного общества потребностей, ценностей, идеалов и т. п.

Политический императив отражает динамику социальных отношений в контексте характера распределения власти и соответствующих субординационных функций взаимодействия личностей, коллективов, социальных институтов управления, государственного аппарата в целом.

Таким образом, категория «императив» охватывает объем допустимых или необходимых полномочий и прав политического деятеля, его команды, который предусматривает не только его связь с интересами одной группы, но и ориентацию на общие интересы [7, с. 235, 236].

Итак, нет смысла перечислять многочисленные прикладные значения категории императива, но важно выделить в них три доминирующих измерения в отношении сущностных характеристик человека: биологический, личностный и социальный (системный), что по логическому заключению позволяет вести речь об их синтезе и представлять нечто более интегрирующее, универсально охватывающее практически все стороны жизни и деятельности личности. Несомненно, таким единоначалом может быть только экологический императив, объединяющий все предписания, пожелания, правила, советы и многое другое для каждого из нас как социального и биоприродного представителя биосферы планеты. Именно поэтому верно трактовать содержание данного феномена исключительно как биолого-нравственно-социальное, где сконцентрированы основы биологических законов, совокупности норм, предписаний, потребностей и ценностных ориентаций социального плана, регулирующих механизмы поведения человека в разных сферах бытия. Суть и предназначение данного феномена – в достижении гармоничных отношений в системе «природа – человек – общество».

Казалось бы, все изложенное не вызывает вопросов, не требует дополнительной расшифровки. Однако по ходу логических размышлений приходится сталкиваться с недопониманием тех положений, которые еще недавно казались доказанными и разъясненными. Иными словами, психовосприятие данного феномена в зависимости от тем-

50–80-х гг. прошлого века), бесконечным увеличением мирового автопарка и, как следствие, неконтролируемым выбросом углекислого газа, фенолов, формальдегидов и других отравляющих веществ. В этой связи уместно напомнить одно из первых категорических заявлений, сделанных в начале 1980-х гг. академиком Н. Н. Моисеевым в ходе исследований, проводившихся в Вычислительном центре Академии наук СССР, по проблемам последствий ядерной войны. Тогда посчитали, что экологический императив, как, впрочем, и кантовский категорический, ставит целью запрет всех видов войн, что в наше время выглядит наивным и маловероятным.

Обратимся к развернутому определению экологического императива Н. Н. Моисеева, предложенному им в работе «Восхождение к Разуму» (1993). «Экологический императив – совокупность тех ограничений в активной деятельности людей, нарушение которых может обернуться для человечества самыми катастрофическими последствиями» [10, с. 250]. Основной составляющей понятия Н. Н. Моисеев считает проблему оценки предельных нагрузок на природу, которые еще разрешены человеку. Проще говоря, люди должны знать допустимые пределы производства искусственной энергии, допустимые уровни мутагенеза, границы тех воздействий на биосферу, которые не приведут к деградиционным значениям ее параметров. Разве проблемы духовно-нравственного развития личности не заслуживают первостепенного значения в представленной концепции? Совершенно очевидно: отсутствие разумных помыслов и за ними такие же безответственные действия и поступки как раз и являются главными причинами тех самых запредельных нагрузок на природу и организм человека, о чем в свое время предостерегал И. Кант. Не пора ли искать источники наших бед не в производственных просчетах, а в отсутствии, точнее непринятии технико-социальных результатов исторического опыта в соотношении с логико-методологической аргументацией всего того, что мы планируем, как мы планируем и каковы последствия этих планов.

Подводя итоги плодотворного воздействия кантовских идей в контексте становления духовно-нравственных ориентиров наших современников приходится констатировать закономерную тенденцию: любые социальные, личностные категорические, императивные нормативы деятельности, поведения неизменно определяются характером интересов, творческих установок, позитивной ролью самих людей в практике мирового развития. Человеческая мотивация и направленность воли отныне становятся не производной величиной, не «зависимой переменной», но подлинным демиургом действительности. Такой вывод сделал известный итальянский футуролог XX в. А. Печчеи (1908–1984). По его мнению, выход из тупиковых ситуаций общественного прогресса надо искать не вне, а внутри самого человека – во всей полноте психофизиологических, интеллектуальных, духовных качеств личности, со всеми без исключения потребностями и стремлениями [11].

Исходя из вышеотмеченного, со всей уверенностью можно констатировать следующее футурологическое предположение: на рубеже XX и XXI столетий происходят кардинальные преобразования общественных систем. Причиной тому – сами люди, и именно благодаря им на смену социотехногенному приходит действительно новый тип цивилизационного развития, который со всеми основаниями следует определить как социоантропогенный. По существу, в этой цивилизации меняется вектор направленности содержания деятельности конкретного человека, начинают постепенно укрепляться в сознании наших современников духовно-ценностные, но уже не предпосылки, а полноправные основания значимости лично осуществленного труда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голосовкер, Я. Э. Достоевский и Кант / Я. Э. Голосовкер. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 102 с.
2. Кант, И. Основы метафизики и нравственности / И. Кант. – М. : Мысль, 1999. – 1472 с.
3. Кант, И. Сочинения : в 6 т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1963–1966. – Т. 4, ч. 2. – 1965. – 478 с.
4. Кант, И. Трактаты и письма / И. Кант. – М. : Наука, 1980. – 711 с.
5. Кант, И. Сочинения : в 6 т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1963–1966. – Т. 6. – 1966. – 743 с.
6. Костарев, С. В. Экологический императив: основание и понимание / С. В. Костарев, Ю. И. Калинина // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. XI, вып. 3 (№ 50). – С. 349–355.
7. Философский словарь / под ред. А. П. Ярещенко. – Ростов н/Д. : Феникс, 2004. – 555 с.
8. Онуприенко, С. П. Социально-культурные аспекты экологических проблем в Беларуси / С. П. Онуприенко. – Минск : Ин-т тепло- и массообмена им. А. В. Лыкова АН Беларуси, 1994. – 216 с.
9. Онуприенко, С. П. Стратегия экологической безопасности XXI века: теоретико-методический и методический анализ экологических проблем населения Беларуси / С. П. Онуприенко. – Минск : Тесей, 2009. – 362 с.
10. Моисеев, Н. Н. Восхождение к разуму / Н. Н. Моисеев. – М. : ИздАТ, 1993. – 174 с.
11. Peccei, A. 100 pages pour l'avenir. Réflexions du Président du Club de Rome / A. Peccei. – Paris : Economica, 1981. – 176 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.10.2019

Onuprienko S. P. Kant's «Categorical Imperative» and Modern Concepts of Social-Ecological Development

In the article, there were analyzed the philosophical-historical features of one of the fundamental teachings of Kant in the context of social-ecological concepts of modernity. As a scientific successor, there was grounded the theory by N. N. Moiseev – «ecological imperative» and its productive role in scientific knowledge based on both Kant's ideas and innovations of the 21st century.